Джен подошла к матери и посмотрела на Джона. Большая часть "Froot Loops" упала на пол, но несколько штук все еще цеплялись за ее открытую кожу в красочном изобилии. В основном было заметно молоко. Капельки молока стекали по ее телу, покрывая сиськи, которые, казалось, готовы были в любой момент вывалиться из промокшего тедди. И без того тонкая одежда еще плотнее прижалась к животу благодаря молоку. По бедрам стекали капельки. Некоторые упали на полку ее задницы, и когда она слегка отвернулась от Джона, чтобы обнять их мать, мальчик увидел капельки белой жидкости, которые скользили по круглой загорелой ложбинке ее задницы.

"А теперь посмотри, что ты сделал, урод", - промурлыкала Джен, ее колкость едва улавливалась сквозь все сексуальное напряжение. "Мы с мамой все в слизи. Ты, блять, полностью покрыл нас". Метафоры о сперме были фирменным блюдом Джен Херрон. За годы, проведенные с Джоном, она добилась его внимания только для того, чтобы интимно описать, что ее забрызгало слизью, и таких случаев было бесчисленное множество. Неважно, что это было за вещество. Жевательная резинка. Грязь. Еда. Вода. Если она надувала очень большой пузырь, то неизменно стукала Джона по плечу, чтобы он мог видеть, как он лопается у нее на лице. Если они попадали под ливень, она поворачивалась к нему, соски проступали сквозь намокшую одежду, и с задышкой в голосе сообщала, что она "промокла". Однажды она открыла бутылку шампанского в честь победы школьной футбольной команды на отборочных соревнованиях, триумфу которой во многом способствовали два тачдауна Джона. Направив выливающуюся бутылку на свое лицо и декольте, Джен быстро превратила празднование в нечто сомнительное с моральной точки зрения. Это был постоянный источник смущения (и незапланированного возбуждения) для Джона.

Прямые отбеленные волосы каскадом рассыпались по мускулистой спине Джен, когда она ругала своего младшего брата за беспорядок. Затем она крепче обняла Джейн, и две пары мамонтовых грудей прижались друг к другу, все еще едва удерживаясь в своих одеждах. Джон моргнул, когда две забрызганные женщины превратились в одну, обнялись с влажным, мясистым звуком и посмотрели на него через плечо одинаковыми хищными взглядами. Его разум был почти не в состоянии воспринимать то, что он видел. Грудь прижималась к груди, бедро сцеплялось с бедром - было слишком много вариантов приглашающей плоти, чтобы один мужчина смог полностью овладеть ею.

Один? Господи, да шесть парней могли бы засунуть туда свои члены под разными углами и никогда не встретиться друг с другом.

Его член подпрыгнул в штанине шорт. А потом наступил момент ясности: Я должен держать себя в руках! Неловко стоя на кухне напротив двух женщин, Джон попытался переключить свои мысли на другие вещи. Неприятным вещам. Настоящие, проверенные и верные убийцы стояка. Бейсбол. Уродливые старухи. Мертвые тела. Он перевел взгляд в сторону и сжал кулаки на бедрах, делая все возможное, чтобы избежать прямого столкновения с этим развратным зрелищем.

"Извините", - сказал он, разинув рот. Несколько бисеринок пота на его гладких бровях в сочетании с измученным лицом делали его похожим на молодого человека, пытающегося проглотить желчный камень. "Это был... несчастный случай". Он опустил взгляд на стол для завтрака, где томился в угрюмом бессилии его собственный наполовину съеденный протеиновый батончик. Не можешь даже закончить завтрак без того, чтобы мама и сестренка не устроили лесбийское секс-шоу, старина, - казалось, говорил прерванный прием пищи. Даже этого не могу. Добро пожаловать в твою жизнь, Джон Херрон. И пока тебе не исполнится 18 и ты не выберешься из этого дома, вот что тебя ждет каждый день. Надеюсь, твои яйца готовы.

Через несколько секунд его задумчивость была прервана влажным шлепком, когда рядом с недоеденным завтраком в поле его зрения попали остатки резинки и ткани. Его мать сняла свой топ, этот изможденный спортивный бюстгальтер, который никогда не казался достаточно большим, чтобы сдерживать ее грудь. Лицо Джона покраснело. Все, что мог сделать подросток, это не дать пару вырваться из его ушей. Он услышал придушенный звук "хнннннннннннннн" и через мгновение понял, что это был его собственный голос. Ее обнаженные груди висели, огромные и идеально симметричные, достаточно объемные, чтобы выпирать за пределы узкого и плотного торса, достаточно тяжелые, чтобы свисать почти до основания грудной клетки и отбрасывать тени на ее тонизированный живот. Ее руки лежали на бедрах, она не прилагала никаких усилий, чтобы прикрыться. Комковатая белковая смесь, собравшаяся в ее декольте, стекала по груди медленной мучнистой волной, большей частью по внутренностям. Часть этого месива прилипла к верхней части ее бюста, похожего на полку, и, казалось, осталось там.

http://erolate.com/book/1303/37060